

Дик Фрэнсис

ВЫСОКИЕ
СТАВКИ

Дик Фрэнсис
Высокие ставки

«Азбука-Аттикус»

1975

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Фрэнсис Д.

Высокие ставки / Д. Фрэнсис — «Азбука-Аттикус», 1975

ISBN 978-5-389-21206-0

Дик Фрэнсис (1920–2010) — один из самых именитых английских авторов, писавших в жанре детектива. За свою жизнь он создал более 30 бестселлеров, получивших международное признание. Его романы посвящены преимущественно миру скачек — Фрэнсис знал его не понаслышке, ведь он родился в семье жокея и сам был знаменитым жокеем. Этот мир полон азарта, здесь кипят нешуточные страсти вокруг великолепных лошадей и крупных ставок в тотализаторах, здесь есть чем поживиться мошенникам. Все это и послужило материалом для увлекательных романов, ставших бестселлерами во многих странах мира. Переиздание романа опубликовано в сборнике Дика Фрэнсиса в 2022 г.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21206-0

© Фрэнсис Д., 1975
© Азбука-Аттикус, 1975

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Высокие ставки

© А. С. Хромова, перевод, 1999, 2009

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство Иностранка®

High stakes / Copyright © 1975 by Dick Francis

Глава 1

Я смотрел на своего друга и видел перед собой человека, который меня предал, обманул и ограбил. Ужасно неприятно. Хуже не бывает.

Джоди Лидс глядел на меня, все еще улыбаясь, все еще не веря.

– Чего-чего?

– Я забираю своих лошадей, – повторил я.

– Но... но я же твой тренер! – ошеломленно воскликнул он. Весь его тон и выражение лица говорили о том, что порядочные владельцы лошадей своих тренеров не бросают. – Это просто невозможно! Только психи или бессердечные скупердяи таскают своих лошадей из конюшни в конюшню, а я ведь не был ни тем ни другим...

Мы стояли перед весовой ипподрома в Сэндаун-парке, и мимо нас поспешно проходили жокеи с седлами и номерами в руках, торопясь на очередной заезд. Было холодно и ветрено. Джоди ежился в своей дубленке и время от времени встряхивал непокрытой головой. Прямые каштановые волосы падали ему на лицо тонкими прядками, и Джоди раздраженно откидывал их назад.

– Да ты что, Стивен? – сказал он. – Не валяй дурака!

– Я серьезно.

Джоди. Невысокий, крепенький, двадцати восьми лет от роду, очень трудолюбивый, очень умный, толковый и пользующийся большой популярностью. Он был постоянным моим советником с тех пор, как я три года тому назад впервые начал держать лошадей. И с самого начала он с дружелюбной улыбкой обдирал меня как липку.

– Ты с ума сошел! – сказал Джоди. – Я же принес тебе победу!

Мы и в самом деле стояли на лужайке, где расседлывают победителей. Улыбающийся жокей только что спрыгнул с Энерджайза, моего последнего приобретения, самого лучшего из моих стиплеров, и теперь Энерджайз рыл землю копытом и гордо встряхивал головой, принимая как должное восторги толпы.

Выигранная им скачка была не особенно значительной, но то, как он ее выиграл, было достойно звезды экстракласса. Когда я увидел, как он мчится в гору к финишному столбу, точно темно-гнедая стрела, я ощутил непривычный прилив радости, восторга... быть может, даже любви. Энерджайз был красив, отважен и переполнен волей к победе. И именно потому, что он выиграл, и выиграл так блестяще, я наконец решился открыто порвать с Джоди.

Хотя, наверно, следовало бы выбрать более удачное место и время...

– Это ведь я купил для тебя Энерджайза на аукционе! – сказал Джоди.

– Я знаю.

– И всех прочих твоих лошадей, которые брали призы.

– Да.

– Это из-за тебя мне пришлось переехать в новые, более просторные конюшни!

Я коротко кивнул.

– Ты... ты просто не можешь бросить меня сейчас!

Ошеломленность уступила место гневу. В ярко-голубых глазах вспыхнул воинственный блеск, лицо закаменело.

– Я забираю лошадей, – повторил я. – И начну с Энерджайза. Можешь оставить его здесь.

– Ты с ума сошел!

– Нет.

– И куда же ты его в таком случае отправишь?

На самом деле я не знал. Потому сказал просто:

– Я все устрою. Оставь его в конюшне и отправляйся домой без него.

– Ты не имеешь права! – взорвался он. – Дерьмо вонючее!

Право я имел. Он это знал, и я тоже. Любой владелец имеет право в любое время отказаться от услуг тренера, если он им недоволен. Правда, правом этим пользовались крайне редко, но это уже другой вопрос. Джоди весь кипел от ярости.

– Я забираю лошадь с собой, и ничто меня не остановит!

Именно его настойчивость окончательно убедила меня, что позволять ему это делать не следует. Я решительно покачал головой. И сказал:

– Нет, Джоди. Лошадь останется здесь.

– Через мой труп!

Пока что Джоди был более чем жив. Он готов был ринуться в драку.

– Отныне и впредь, – сказал я, – я отменяю твое право действовать от моего имени. Прямо отсюда я пойду в весовую и сообщу об этом всем официальным лицам, которым следует это знать.

Он уставился на меня исподлобья.

– Ты мне должен! – сказал он. – Ты не можешь забрать своих лошадей, пока не заплатишь!

Я каждый месяц аккуратно оплачивал присылаемые им счета, так что должен я ему был только за последние несколько недель. Я достал из кармана чековую книжку и снял колпачок с ручки.

– Прямо сейчас и выпишу чек.

– Черта с два!

Он вырвал у меня из рук всю чековую книжку, разорвал ее пополам и перебросил через плечо. Обрывки чеков тут же разлетелись по ветру. Люди начали изумленно оборачиваться в нашу сторону, репортеры резко оживились. Если бы я хотел, чтобы о нашей ссоре знали все, я не мог бы найти более подходящего места. А ссора постепенно приобретала характер сенсационного скандала.

Джоди огляделся. На глаза ему попались люди с блокнотами. Он увидел в них своих союзников.

Он решил сделать мне пакость.

– Ты об этом пожалеешь! – воскликнул он. – Я тебя в порошок сотру!

Куда и делась вся его улыбочка и дружелюбие, которым он лучился всего минут пять тому назад! Даже если я отступлю и извинюсь, прежних связей уже не восстановить. Доверие разбилось, как Шалтай-Болтай, и его уже не собрать.

Его яростное сопротивление заставило меня зайти дальше, чем я намеревался. Впрочем, цель моя осталась прежней, хотя для того, чтобы ее достичь, придется приложить больше усилий...

– Как бы то ни было, – сказал я, – мои лошади у тебя не останутся.

– Ты меня разоришь! – возопил Джоди.

Репортеры придвинулись на пару шагов. Джоди покосился на них. Лицо его злобно искажилось.

– Вам, проклятым богатеям, все равно, что будет с простым человеком!

Я резко развернулся, ушел в весовую и исполнил свое обещание: официально отказался от его услуг тренера. Я подписал документы, лишаящие его права действовать от моего имени, и на всякий случай добавил к ним еще записку, в которой специально подчеркивалось, что я недвусмысленно запретил ему увозить Энерджайза из Сэндаун-парка. Никто не отрицал, что у меня есть такое право, но чувствовалось, что к человеку, который так внезапно и решительно отказался от услуг тренера, десять минут назад принесшего ему очередной приз, относятся весьма прохладно.

Я не стал им говорить, что мне, чайнику, потребовалось очень много времени, чтобы посмотреть фактам в лицо и понять, что меня надувают. Я не стал рассказывать, как отметал

в сторону первые подозрения, считая их недостойными нашей дружбы, как я изо всех сил старался оправдать Джоди, пока у меня не осталось никаких сомнений.

Я не стал говорить, что одной из причин моей непреклонности было то, как именно Джоди среагировал на мое заявление, что я забираю лошадей.

Он ни тогда, ни потом не задал одного, самого естественного вопроса.

Он не спросил, почему я это делаю.

Когда я вышел из весовой, ни Джоди, ни репортеров на прежнем месте уже не было. Зрители торопились к трибунам, смотреть главную скачку дня, и даже распорядители, с которыми я только что имел дело, поспешно направились туда же.

Мне не хотелось смотреть скачку. Я решил вместо этого сходить к ипподромной конюшне и сказать сторожу, чтобы он ни в коем случае не позволял уводить Энерджайза. Но поскольку сторож сидел у конюшни в основном для того, чтобы не пускать внутрь всяких подозрительных чужаков, а не затем, чтобы мешать кому-то выводить оттуда лошадей, я не был уверен, что от него будет какая-то польза, даже если он и согласится помочь.

Сторож сидел у себя в будке. Человек средних лет, крепкий, коренастый, в темно-синей форме с медными пуговицами. На стенах висели какие-то списки, приколотые к специальным дощечкам, электрокамин вел безнадежную битву с декабрьским холодом.

– Извините, – сказал я, – я хотел бы узнать насчет лошади...

– Сюда нельзя! – перебил сторож начальственным тоном. – Владельцам без тренеров входить не положено!

– Я знаю, – сказал я. – Я просто хотел предупредить, чтобы мою лошадь не увозили.

– Это какую?

Ему явно нравилось перебивать и одергивать, как и многим людям, наделенным мелкой властью. Он принялся дышать на замерзшие руки, глядя на меня без малейшей любезности.

– Энерджайза, – ответил я.

Он поджал губы и задумался, стоит ли отвечать. Видимо, никаких причин не отвечать не было, кроме врожденного нежелания кому-то помогать, потому что в конце концов он неохотно ответил:

– Это черный такой, которого Лидс тренирует?

– Да.

– Так его уже увезли, – сказал сторож.

– Увезли?!

– Ну да. Конюх его увел, пару минут тому назад. – Он дернул головой в сторону дорожки, ведущей к стоянке фургонов для перевозки лошадей. – И Лидс с ним был. Я так думаю, что они уже уехали.

Эта мысль его, похоже, порадовала, потому что он улыбнулся.

Я оставил его с его кислым удовлетворением и бегом помчался по дорожке. Она вела через кусты и выходила на засыпанную гравием площадку, где как попало стояли десятки фургонов.

Фургон Джоди был бежевый, с алыми полосами по бокам. И он уже сдвинулся со своего места и разворачивался, чтобы проехать к воротам.

Я осторожно положил на землю свой бинокль и припустился бегом. Пробежал первый ряд машин, выскочил в проход и увидел, что фургон Джоди уже почти развернулся ярдах в тридцати от меня и едет прямо в мою сторону.

Я встал у него на пути и замахал руками, приказывая шоферу остановиться.

Шофер меня знал достаточно хорошо. Звали его Энди-Фред. Он регулярно возил моих лошадей. Я видел его лицо, напряженное и испуганное. Он принялся лихорадочно жать на гудок.

Я не обратил внимания на гудки, уверенный, что он остановится. По одну сторону от нас был высокий деревянный забор, а по другую – ряды фургонов. Через пару секунд я понял, что Энди-Фред, видимо, забыл, для чего существуют тормоза, и мне пришло в голову, что, возможно, Энерджайза увезут не через труп Джоди, а через мой собственный.

И все же я не двинулся с места, скованный не столько страхом, сколько яростью.

Слава богу, у Энди-Фреда нервы не выдержали первыми, но в самое последнее мгновение. Он крутанул баранку, когда массивная решетка радиатора была уже футах в шести от моей груди и рев дизеля громом гремел у меня в ушах.

Тормозить было поздно. Свернув, он врезался прямо в кабину одного из фургонов. Раздался визг тормозов, скрежет металла, и дверцы кабин обоих фургонов сцепились намертво. Во все стороны полетели бритвенно-острые осколки стекла. Мотор захлебнулся и заглох.

Бампер фургона Джоди меня миновал, но гладкое крыло все же зацепило меня, когда я запоздало отскочил. Я отлетел в сторону, врезался в забор и некоторое время лежал, переводя дух.

Энди-Фред, живой и невредимый, выскочил из непострадавшей дверцы своей кабины и бросился ко мне со смешанным чувством страха, ярости и облегчения.

– Ты, блин, соображаешь, что ты делаешь? – заорал он.

– Почему... – с трудом выдавил я, – почему ты не остановился?

Похоже, он меня не услышал. Во всяком случае, не ответил. Вместо этого он обернулся навстречу разъяренному Джоди, который мчался к нам вдоль фургонов, с той же стороны, откуда появился я.

Когда Джоди увидел разбитую машину, его буквально затрясло и он принялся поливать Энди-Фреда руганью.

– Недоумок! – вопил он. – Мать твою так...

– А чего мне было делать? – орал в ответ шоферюга. – Он у меня прямо на дороге стоял!

– Я ж тебе сказал, чтоб ты не останавливался!

– Я бы его задавил!

– Не задавил бы!

– А я те говорю, задавил бы! Он стоял прямо на дороге! Стоял, и все!

– Если бы ты не остановился, он бы отскочил! Недоумок! Идиот! Ты только погляди, что ты натворил, мать твою...

Они кричали на всю стоянку. Издалека доносился усиленный репродукторами голос комментатора, рассказывающего о ходе стипль-чеза. За забором, на Гилдфордском шоссе, ведущем в Лондон, гудели машины. Я неловко поднялся с холодного гравия и прислонился к некрашеному забору.

Я ничего себе не сломал. Дыхание постепенно восстанавливалось. Единственный ущерб – это что с моего пальто оторвались все пуговицы. На том месте, где они были пришиты, красовался ряд прямоугольных дырочек – пуговицы отлетели с мясом. Я поглядел на них – и понял, что мне сильно повезло.

Энди-Фред во всю глотку объяснял Джоди, что он, Энди-Фред, не собирается никого убивать, чтобы угодить ему, Джоди.

– Ты уволен! – проорал Джоди.

– Ну и ладно!

Энди-Фред шагнул назад, посмотрел на помятый фургон, взглянул на меня, потом на Джоди, придвинулся поближе к нему и снова рявкнул:

– Ну и ладно!

И, не оглядываясь, ушел в сторону конюшен. Теперь внимание и ярость Джоди резко переключились на меня. Он решительно шагнул в мою сторону и завопил:

– Я на тебя за это в суд подам!

– Почему бы тебе не посмотреть, в порядке ли лошадь? – спросил я вместо ответа.

Я говорил достаточно тихо, и Джоди, успевший за сегодняшний день привыкнуть к крику, меня не услышал.

– Чего?

– Энерджайз! – сказал я, уже громче. – С ним все в порядке?

Джоди глянул на меня с горячей ненавистью и бросился к фургону. Я последовал за ним, хотя и медленнее. Джоди отворил дверцу, предназначенную для конюха, подтянулся и забрался внутрь, я – следом.

Энерджайз стоял, дрожа с головы до ног, и дико косил глазом. Джоди погрузил его в фургон, когда он еще не успел остыть после скачки и был совершенно не готов к перевозке; а это столкновение окончательно его доконало. Но тем не менее он удержался на ногах. Джоди с тревогой осмотрел его, но никаких повреждений не нашел.

– Если бы он покалечился, то по твоей вине! – с горечью бросил он.

– Нет, по твоей.

Мы смотрели друг другу в лицо в тесном фургоне, тихом оазисе, защищенном от ветра.

– Ты меня обворовывал, – сказал я. – Я сперва не хотел верить. Но впредь... Больше я не дам тебе возможности это делать.

– Ты ничего не докажешь!

– Быть может. Быть может, я и пробовать не стану. Быть может, я просто буду считать все, что я потерял, ценой собственной глупости. Мне не следовало слишком доверяться тебе.

– Я так много для тебя сделал! – негодуя сказал Джоди.

– И так много из меня вытянул...

– А ты чего ждал? Тренеры работают не из любви к искусству!

– Не все тренеры делают то, что делал ты.

В его глазах внезапно появилась задумчивость.

– Ну и что же я такого сделал? – осведомился он.

– Ты сам знаешь, – сказал я. – Ты даже не попытался отрицать, что надувал меня.

– Слушай, Стивен, ты прямо как с луны свалился! Ну ладно, может, я и подделал пару счетов. Если ты насчет того, что я тогда слупил с тебя транспортные расходы за перевозку Гермеса в Хейдок, когда скачки были отменены из-за тумана... Ну да, на самом деле я его туда не посылал – он в то утро захромал и не мог участвовать в скачке. Ну так ведь тренер перехватывает где может. Работа такая. Тебя ведь это не разорило? Что тебе какие-то несчастные тридцать фунтов!

– Что еще? – спросил я.

Джоди явно успокоился. Его голос вновь сделался уверенным и в то же время льстиво-заискивающим.

– Ну... – протянул он. – Если тебя не устраивали суммы, указанные в счетах, что ж ты ко мне-то не обратился? Я бы сразу все уладил. Вовсе незачем было ни с того ни с сего лезть в бутылку.

«Ого!» – подумал я. Мне даже не приходило в голову проверить все статьи в ежемесячных счетах Джоди. А ведь каждая из них могла увеличивать общую сумму... Даже когда я был уверен, что Джоди меня обворовывает, я не подозревал, что это делается так просто.

– Что еще? – спросил я.

Он на миг отвел взгляд, потом, видимо, решил, что я все равно не могу знать всего.

– Ну ладно, ладно! – сказал он так, словно это признание было верхом великодушия. – Ты насчет Раймонда, что ли?

– В том числе.

Джоди виновато кивнул:

– Да, тут я, пожалуй, перегнул палку – брал с тебя за его работу дважды в неделю, хотя иногда он приходил только раз в неделю...

– А иногда и вообще не приходил.

– Ну что ты! – протестующе воскликнул Джоди. – Хотя... ну да, было дело... пару раз...

Жокей Раймонд Чайльд ездил на всех моих стиплерах на скачках и время от времени по утрам приезжал за пятьдесят миль на конюшню к Джоди, чтобы потренировать их в прыжках через препятствия. Джоди платил ему за работу и оплачивал расходы на дорогу и добавлял все это к моему счету. Весь июль он регулярно присылал мне счета за тренировки два раза в неделю, а недавно я совершенно случайно узнал, что никаких тренировок не было, потому что Раймонд был в отпуске в Испании.

– Ну подумаешь, десятка тут, десятка там, – убеждал меня Джоди. – Что от тебя, убудет, что ли?

– Лишняя десятка дважды в неделю в течение всего июля – это будет сто фунтов, – заметил я.

– О-о! – Джоди попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривая. – Значит, ты в самом деле проверял...

– А ты как думал?

– Ну ты ведь такой беспечный! Всегда без вопросов оплачивал все счета...

– Больше не буду.

– Да, конечно... Слушай, Стивен, мне на самом деле очень жаль, что так получилось. Если я дам тебе слово, что никогда больше не буду с тобой мухлевать... Если я пообещаю, что впредь все счета будут точными... Почему бы нам не начать все сначала? Я ведь выиграл для тебя столько призов!

Джоди говорил совершенно серьезно, и раскаяние его казалось абсолютно искренним. Он был уверен, что я предоставлю ему еще один шанс. Галопом от признания к покаянию и к обещанию исправиться, а потом все будет как раньше!

– Поздно, – сказал я.

Это его не обескуражило. Он просто еще больше сделался похож на нашкодившего мальчишку, у которого на рожице написано: «Да, я был очень-очень плохим, но теперь, когда меня застукали, я сделаюсь настоящим ангелочком!»

– Да, я вел себя очень глупо. Но это, наверно, все из-за дополнительных расходов. Я ведь новую конюшню в кредит купил, и выплаты просто грабительские. А ведь я переехал туда только из-за тебя, ты же знаешь!

Ага, значит, это я виноват, что ему пришлось воровать!

– Я ведь предлагал выстроить несколько новых денников в старых конюшнях, – заметил я.

– Нет, это бы не пошло! – торопливо перебил Джоди.

На самом деле вся штука в том, что старые конюшни были простыми и скромными, а новые – откровенно роскошными. Во время переезда я еще удивлялся, как это Джоди может себе такое позволить. Теперь-то я знал как!

– Так что давай считать это предупреждением, ладно? – заискивающе попросил Джоди. – Я не хочу терять твоих лошадей, Стивен. Я тебе откровенно говорю, я их терять не хочу. Мы ведь были добрыми друзьями все это время, верно? Если бы ты только сказал... понимаешь, если бы ты сказал: «Джоди, ты, сволочь такая, чего-то намудрил со счетами!..» Мы бы в момент все утрясли! А ты взорвался вот так, ни с того ни с сего, просто сказал, что забираешь лошадей... да еще после того, как Энерджайз так блестяще выиграл... Естественно, я вышел из себя. Признаюсь, было дело. Я наговорил много такого, чего говорить не следовало. Знаешь ведь, как это бывает, когда человек выйдет из себя.

Он улыбнулся совсем как в старые добрые времена, словно ничего не произошло. Словно мы не стояли в разбитом фургоне рядом со взмыленным и дрожащим Энерджайзом. Словно мое пальто не было разорвано и вымазано в грязи после слишком близкого соприкосновения со смертью.

– Стивен, ты же меня знаешь! – сказал Джоди. – У меня же характер – сущий порох!

Я не спешил отвечать. Джоди принял мое молчание за знак согласия с его объяснениями и извинениями и тут же вернулся к более насущным проблемам:

– Ну вот, для начала надо вывести отсюда нашего приятеля. – Он похлопал Энерджайза по крупу. – А пандус опустить нельзя, пока мы не отъедем от той, другой машины. – Джоди задумчиво цыкнул зубом. – Надо попробовать. Почему бы и нет?

Он выпрыгнул наружу и побежал к кабине. Я заглянул в кабину и увидел, как Джоди сел за руль, проверил рычаг передачи и нажал на стартер – решительный, деловой человек, способный разобраться с любой неловкой ситуацией.

Дизель взревел, мотор заработал. Джоди устроился поудобнее и осторожно дал задний ход. Фургон содрогнулся и остался на месте. Джоди надавил на акселератор.

Через ветровое стекло я видел, что к нам приближаются двое или трое людей. Лица у них были удивленные и разгневанные. Один из них вдруг бросился бежать к нам, размахивая руками, – классическая реакция человека, который возвращается на стоянку и обнаруживает, что его машина разбита.

Джоди не обратил на него внимания. Фургон раскачивался, разбитый бок кабины со скрежетом терся о помятого соседа. Энерджайз запаниковал.

– Джоди, прекрати! – крикнул я.

Он не обратил на меня внимания. Он еще прибавил оборотов, потом снял ногу с акселератора, потом снова вдавил его в пол. И так несколько раз.

Изнутри машины впечатление было такое, словно фургон раздирают пополам. Энерджайз заржал и принялся рваться с привязи, беспокойно переступая острыми копытами. Я не знал, как успокоить его, и не мог даже подойти поближе, чтобы похлопать лошадь – если это вообще могло его успокоить. Мои отношения с лошадьми всегда сводились к тому, что я любовался на них издали и угощал морковкой, когда они были надежно привязаны в деннике. Никто не учил меня, что нужно делать с впавшей в истерику лошадью, которая мечется рядом с вами в дергающейся консервной банке.

Еще один жуткий рывок, скрежет – и покалеченные машины наконец расцепились. Машина Джоди, более ничем не удерживаемая, рванулась назад. Энерджайз поскользнулся, присел на задние ноги, я тоже упал на пол. Джоди нажал на тормоза и выпрыгнул из кабины – прямо в объятия троих новоприбывших, один из которых был близок к аполексии.

Я встал, обобрал с одежды клочки сена и посмотрел на свою четвероногую собственность, дымящуюся, взмыленную, перепуганную насмерть.

– Все в порядке, приятель, – сказал я.

Это прозвучало ужасно нелепо. Я улыбнулся, прокашлялся и начал снова:

– Остынь, старина. Худшее уже позади.

Энерджайз, похоже, не услышал. Я стал говорить ему, что он замечательный конь, что он только что блестяще выиграл скачку, что он скоро будет чемпионом и что он мне очень нравится. Я говорил, что скоро его закутают попоной и поставят в стойло где-нибудь поблизости, хотя я еще не знаю, где именно, но непременно договорюсь, и что кто-нибудь даст ему охапку самого дорогого сена и ведро очень дешевой воды и, наверно, еще овса и чего-нибудь такого. Я говорил ему, что очень жаль, но морковки у меня сейчас с собой нет, но в следующий раз я непременно угощу его морковкой.

Через некоторое время эта болтовня его, похоже, успокоила. Я похлопал его по шее. Шкура у него была на ощупь мокрая и очень горячая. Он встряхнул головой и шумно фыркнул

влажными черными ноздрями, но косить глазом перестал и дрожать тоже. Я внезапно увидел его новыми глазами: как личность, которая в то же время – лошадь.

Я осознал, что никогда прежде не оставался наедине с лошадыю. На самом деле это странно. Энерджайз ведь был уже двенадцатой принадлежавшей мне лошадыю. Но владельцы скаковых лошадей обычно заходят к своим питомцам только на минутку и всегда в сопровождении тренера или конюха. А в основном они видятся с лошадьми только в паддоке, на глазах у всего света, да там, где лошадей расседлывают после скачки, снова в толпе друзей и знакомых, которые спешат поздравить победителя. Владельцы, которые сами верхом не ездят, – как я, например, – редко проводят в обществе своих лошадей больше пяти минут подряд.

Сейчас, в этом фургоне, я провел вместе с Энерджайзом больше времени, чем за все пять месяцев, что я им владел.

А у Джоди явно были проблемы. Один из мужчин привел полисмена, и тот что-то деловито писал в своем блокноте. Интересно, свалит ли Джоди вину на меня? Если он все еще надеется, что мои лошади останутся у него, он постарается это замять. Ну а если он поймет, что я все-таки их забираю, он изойдет ядом! Я, улыбаясь про себя, тихо обсуждал все это с Энерджайзом.

– Сам не знаю, – говорил я ему, – почему я до сих пор не сказал Джоди, что мне известно о другом его обмане. Но пока что оно обернулось к лучшему. Понимаешь, ведь все эти мелкие проделки, в которых он признался, не более чем пена.

Энерджайз успокоился и устало опустил голову. Я смотрел на него с сочувствием.

– Речь ведь идет не о нескольких сотнях фунтов, – сказал я. – А о тридцати пяти тысячах.

Глава 2

Владелец разбитой машины принял мои извинения, вспомнил, что его машина застрахована, и решил в суд на нас не подавать. Полисмен вздохнул, перечеркнул свои записи и удалился. Джоди опустил пандус своего фургона, вывел Энерджайза и поспешно увел его в сторону конюшен. А я подобрал свой бинокль, снял пострадавшее пальто и задумчиво направился в весовую.

Целых десять минут все было тихо-спокойно – до тех пор, пока Джоди вернулся из конюшни и обнаружил, что я своего распоряжения насчет него не отменил.

Он нашел меня в небольшой толпе, стоявшей на веранде перед весовой.

– Эй, Стивен! – начал он. – Ты, видно, забыл им сказать, что я по-прежнему на тебя работаю!

Он не проявлял ни малейшего беспокойства – только легкое раздражение по поводу моей забывчивости. На миг я готов был сдаться при мысли о том, какая буря сейчас разразится. И снова принялся малодушно убеждать себя, что он ведь действительно хороший тренер и мои лошади действительно время от времени берут призы... Я мог бы просто внимательно следить за счетами, так, чтобы он знал об этом... А что до всего остального... Легко ведь можно сделать так, чтобы в будущем меня не обкрадывали...

Я набрал воздуху в грудь. Теперь или никогда!

– Я не забыл, – медленно произнес я. – Я своего решения не отменял. Я забираю лошадей.

– Чего?!

– Я их забираю.

Неприкрытая ненависть, отразившаяся на его лице, потрясла меня.

– Ублюдок!

Люди начали оборачиваться в нашу сторону.

Джоди выкрикнул еще несколько нелюбимых эпитетов, очень громко и отчетливо. Я краем глаза заметил, как вокруг запорхали белые блокнотики репортеров, и решил пустить в ход единственное, что могло заставить Джоди заткнуться.

– Сегодня я ставил на Энерджайза на тотализаторе.

– Ну и что? – тут же ответил Джоди, прежде чем до него дошло, что это может значить.

– Я закрываю свой счет у Дженсера Мэйза.

У Джоди был такой вид, словно он готов меня растерзать, но он снова не спросил почему. Он стиснул зубы, покосился на репортеров – на этот раз он был им явно не рад – и прошипел очень тихо и угрожающе:

– Если ты что-то скажешь, я подам на тебя в суд за клевету!

– За оскорбление личности, – автоматически поправил я.

– Чего?

– Клевета – это то, что распространялось письменно, а оскорбление наносится устно.

– Короче, если ты что-нибудь скажешь, я тебя привлеку!

– Ты настоящий друг! – заметил я.

Глаза Джоди сузились.

– Для меня было большим удовольствием нагреть тебя как можно круче!

Наступила тяжелая пауза. Я внезапно проникся отвращением к скачкам и подумал, что лошади никогда уже не будут доставлять мне такого удовольствия, как раньше. Три года простодушной радости развеялись, как дым.

В конце концов я просто сказал:

– Энерджайза оставь здесь. О перевозке я позабочусь.

Джоди с каменным лицом развернулся на каблуках и скрылся в весовой.

С перевозкой проблем не было. Я договорился с молодым шофером, владельцем транспортного предприятия, состоящего из одной машины – его собственной, что он заберет Энерджайза в свою конюшню, а на следующий день отвезет его к тренеру, которого я подыщу.

– Темно-гнедой конь. Почти черный, – сказал я. – Сторож вам скажет, в каком он деннике. Конюха при нем, скорее всего, нет.

Оказалось, что шофер, он же владелец фирмы, может подыскать и конюха, чтобы тот присматривал за Энерджайзом.

– Все с ним будет в порядке, – сказал он. – Не тревожьтесь.

Он привез на ипподром еще двух лошадей, одна из которых участвовала в последней скачке, и пообещал мне, что вернется, когда отвезет ее в конюшню, где-то через час после окончания скачек. Мы обменялись телефонами и адресами и ударили по рукам.

Потом я – скорее из вежливости, чем потому, что мне хотелось посмотреть остальные заезды, – вернулся в ложу, принадлежащую человеку, который перед тем угощал меня ланчем и вместе со мной любовался победой моей лошади.

– Стивен, где же вы были? А мы вас ждали, чтобы отметить победу!

Чарли Кентерфильд, хозяин ложи, встретил меня с распростертыми объятиями, с бокалом шампанского в одной руке и сигарой в другой. Еще восемь или десять гостей сидели за большим столом, застеленным белой скатертью, на которой теперь вместо остатков ланча красовались полупустые бокалы с шампанским, программки сегодняшних скачек, бинокли, перчатки, сумочки и билетки от букмекеров. В воздухе витал слабый аромат гаванских сигар и хорошего вина, а за плотно закрытой стеклянной дверью находился балкон, с которого открывался вид на ипподром, продуваемый декабрьским ветром.

Четыре заезда были позади, оставалось еще два. Середина дня. Промежуток между кофе с коньяком и чаем с пирожными. Все довольные и веселые. Уютная комнатка, дружеская болтовня с легким налетом снобизма.

Милые, порядочные люди, которые никому не делают ничего плохого.

Я вздохнул про себя и ради Чарли постарался изобразить хорошее настроение. Япил шампанское и выслушивал поздравления по поводу блестящей победы Энерджайза. Мы все ставили на него... Дорогой Стивен, какая удача... Какой замечательный конь... Какой замечательный тренер этот Джоди Лидс...

– Угу, – ответил я довольно сухо. Но этого никто не заметил.

Чарли предложил мне сесть на пустой стул между ним и дамой в зеленой шляпке.

– На кого бы вы поставили в этой скачке? – поинтересовался он.

Голова у меня была абсолютно пуста.

– Я не помню, кто участвует в этом заезде.

Чарли немедленно сменил тон. Я и раньше замечал за ним такое: мгновенная реакция на новые обстоятельства. Видимо, в этом и крылся ключ к его колоссальному деловому успеху. Он мог лениво сидеть в кресле, добродушно потягивать сигару и растекаться воздушным пудингом, но разум его непрерывно работал.

Я криво улыбнулся.

– Давайте пообедаем вместе, – предложил Чарли.

– Сегодня вечером?

Он кивнул.

Я поразмыслил.

– Давайте.

– Хорошо. Скажем, в «Парксе», на Бошам-плейс, в восемь.

– Договорились.

Мы с Чарли уже несколько лет были чем-то средним между хорошими знакомыми и друзьями. Мы радовались друг другу при случайных встречах, но нарочно не встречались. Сегодня

он впервые пригласил меня в свою ложу. Приглашение на обед означало окончательный переход на новый уровень.

Пожалуй, он мог неправильно истолковать мою рассеянность. Но я все равно хорошо к нему относился, а потом, ни один человек в здравом уме не станет отказываться от обеда в «Парксе». Надеюсь, ему не придется пожалеть о пропавшем впустую вечере...

Гости Чарли понемногу принялись разбегаться – они отправились делать ставки на следующую скачку. Я взял забытую на столе программку и понял, почему Чарли так интересовался моим мнением: в этой скачке с препятствиями участвовали двое из лучших фаворитов, и газеты обсуждали ее уже в течение нескольких дней.

Я поднял голову и встретился взглядом с Чарли. В глазах у него было любопытство.

– Ну, так который из двух?

– Крепитас.

– Вы на него ставите?

Я кивнул:

– Уже поставил. На тотализаторе.

Чарли фыркнул:

– Я предпочитаю букмекеров. Чтобы заранее знать, сколько я получу в случае выигрыша. – Если учесть, что его ремеслом были банковские инвестиции, это было вполне логично. – Только сейчас мне неохота спускаться вниз.

– Могу поделиться с вами своей ставкой.

– А сколько вы поставили? – осторожно спросил Чарли.

– Десять фунтов.

Он рассмеялся:

– А ходят слухи, что вы мыслите исключительно в пределах трех нулей!

– Это профессиональная шутка, – сказал я. – Ее неправильно понимают.

– А что имеется в виду?

– Я иногда пользуюсь прецизионным токарным станком. Он позволяет установить точность в пределах трех нулей – после запятой. Ноль-ноль-ноль-один. Одна десятитысячная дюйма. Это мой лимит. Большая точность мне недоступна.

Чарли хмыкнул:

– А на лошадей вы тысячами не ставите?

– Бывало пару раз.

На этот раз он явно расслышал сухость в моем голосе. Я небрежно встал и направился к стеклянной двери, ведущей на балкон.

– Они уже выходят на старт, – сказал я.

Чарли молча вышел на балкон вслед за мной, и мы стояли рядом и смотрели, как две звезды заезда, Крепитас и Уотербой, гарцуют мимо трибун, сдерживаемые своими жокеями.

Чарли был чуть ниже меня, гораздо плотнее и лет на двадцать старше. Он носил превосходные костюмы так, словно привык к ним с детства, и никто, слыша его мягкий, густой голос, не догадался бы, что его отец был водителем грузовика. Чарли никогда не скрывал своего происхождения. Напротив, он гордился им, и гордился по праву. В согласии со старой образовательной системой его послали в Итонский колледж, как мальчика из местного округа, на деньги муниципального совета, и Чарли сумел наряду с образованием приобрести там также правильное произношение и светские манеры. Его золотая голова несла его по жизни, как волна несет умелого пловца, и то, что он родился под самыми стенами знаменитого учебного заведения, вряд ли было такой уж случайностью.

Другие его гости тоже вышли на балкон, и Чарли переключился на них. Я их плохо знал – в основном в лицо – и кое о ком что-то слышал. Для случайной встречи вполне достаточно, для более близкого знакомства маловато.

Дама в зеленой шляпке коснулась моей руки зеленой перчаткой:

– Уотербой выглядит чудесно, не правда ли?

– Чудесно, – согласился я.

Она широко улыбнулась мне, близоруко щурясь из-за толстых очков.

– Вы не могли бы сказать, сколько предлагают сейчас за них букмекеры?

– Пожалуйста.

Я поднял бинокль и навел его на таблички букмекеров, сидящих перед трибунами чуть справа от нас.

– Насколько я вижу, Уотербой – один к одному, Крепитас – пять к четырем.

– Вы так любезны! – тепло ответила дама в зеленом.

Я перевел бинокль чуть дальше и нашел Дженсера Мэйза. Он стоял в середине ряда букмекеров, толпившихся вдоль перил, отделяющих трибуны для участников от общих мест. Худощавый человек среднего роста, с крупным острым носом, в стальных очках, с манерами епископа. Он никогда мне особенно не нравился, и беседовали мы исключительно о погоде. Но я ему полностью доверял – а это было очень глупо.

Он стоял, опираясь на перила, опустил голову, и беседовал с кем-то, находившимся на трибунах для участников. Его собеседника загораживала от меня толпа народа. Потом толпа рассосалась, и я увидел, что беседует он с Джоди.

Вся фигура Джоди выражала крайнюю степень раздражения. Он что-то яростно говорил Дженсеру. Дженсер отвечал ему скорее успокаивающе. Когда Джоди сердито махнул рукой и удалился, Дженсер поднял голову и проводил его взглядом, с лицом скорее задумчивым, чем озабоченным.

Дженсер Мэйз достиг той стадии в карьере букмекера, когда удачливый одиночка превращается в главу крупной и уважаемой фирмы. Для игроков Дженсер Мэйз был уже не человеком, а учреждением. К югу от Глазго существовало множество букмекерских контор, носящих его имя, и недавно он объявил, что во время следующего сезона будет спонсировать скачки на короткую дистанцию для трехлеток.

Тем не менее на больших скачках он по-прежнему стоял в ряду букмекеров, чтобы лично разговаривать с самыми богатыми клиентами и не позволять другим букмекерам их переманивать. Чтобы вовремя раскрывать свою акулью пасть и заглатывать новых неосторожных рыбешек.

Я поморщился и опустил бинокль. Я, наверно, никогда не узнаю, на какую сумму меня обокрали Джоди с Дженсером. Что до моего самоуважения, от него они оставили только жалкие крохи.

Скачка началась. Суперскакуны боролись не на жизнь, а на смерть, и Крепитас обошел Уотербоя на целый корпус. На тотализаторе мне должны были выплатить небольшую сумму за него и довольно значительную – за Энерджайза. Но двух выигрышей в один день было недостаточно, чтобы развеять мое уныние. Я отказался от чая с пирожными, поблагодарил Чарли за ланч, простился с ним до вечера и спустился к весовой, посмотреть, не осенит ли меня вдохновение насчет нового тренера.

Кто-то догнал меня сзади и схватил за руку:

– Слава богу, я вас нашел!

Это был молодой шофер, которого я нанял, чтобы перевезти Энерджайза. Запыхавшийся и очень озабоченный.

– В чем дело? Фургон сломался?

– Нет... Слушайте, вы сказали, что ваша лошадь черная, да? В смысле, я ничего не напутал?

– Что с ним?! – Пожалуй, от волнения мой голос сделался чересчур резким.

– Ничего... по крайней мере... с ним – ничего. Но только лошадь, которую оставил мне мистер Лидс, – это рыжая кобыла.

Я отправился с ним в конюшню. Сторож по-прежнему улыбался, довольный тем, что у кого-то что-то не так.

– Ну да, – с удовольствием подтвердил он. – Лидс уехал с четверть часа тому назад в наемном фургоне и увез одну лошадь. Сказал, его собственный фургон разбился, а Энерджайза он оставляет по распоряжению владельца.

– Лошадь, которую он оставил, – не Энерджайз! – сказал я.

– Ну а я чего сделаю? – с достоинством возразил сторож.

Я обернулся к молодому человеку:

– Рыжая кобыла с большой белой проточиной?

Он кивнул.

– Это Асфодель. Она участвовала в первом заезде. Ее тренирует Джоди Лидс, но она не моя.

– И что же мне с ней делать?

– Оставьте ее здесь, – сказал я. – Мне очень жаль. Пришлете мне счет за труды.

Шофер улыбнулся и сказал, что я ему ничего не должен. Это почти восстановило мою веру в человечество. Я поблагодарил его за то, что он меня разыскал. Мог бы ведь по-тихому увезти эту кобылу, а потом прислать мне счет. Молодой человек был шокирован моим цинизмом. Я подумал, что до знакомства с Джоди я таким не был.

Джоди все-таки забрал Энерджайза.

Я полыхал медленным гневом. Злился я отчасти на себя самого. Как я этого не предусмотрел? Ведь если он был готов заставить Энди-Фреда переехать меня, первая неудача наверняка бы его не остановила! Он твердо решил взять надо мной верх и увезти Энерджайза к себе. Я недооценил его кровожадность и его наглость.

Нет, вряд ли мне удастся так легко избавиться от Джоди. Я вернулся к своей машине и уехал с ипподрома, думая только о том, какого тренера мне нанять и как скоро мне удастся перевезти своих лошадей на новое место.

Мы сидели за золотистым полированным деревянным столом. Чарли улыбнулся мне и отодвинул пустую кофейную чашку. Его сигара была наполовину докурена, портвейн наполовину допит, и в животе у него покоился обед, приготовленный в одном из лучших ресторанов Лондона.

Интересно, как он выглядел в молодости, до того, как обзавелся солидным брюшком и двойным подбородком? Крупные бизнесмены лучше смотрятся, когда они немного полноваты. Тощие и голодные – это новички, энергичные начинающие. А Чарли набирал мудрость и зрелость с каждым фунтом лишнего веса.

У него были прямые седеющие волосы, поредевшие на макушке и зачесанные назад по бокам. Глубоко посаженные глаза, крупный нос, плотно сжатые губы. Лицо не слишком приятное, но запоминающееся. Однажды встретившись с Чарли, люди потом его обычно узнавали.

Он пришел один. Ресторан, который он выбрал, состоял из нескольких небольших залчиков, по три-четыре столика в каждом, так что там легко было уединиться. Чарли весь вечер говорил о скачках, о еде, о премьер-министре, о состоянии биржевого рынка, но так и не сказал, зачем он меня позвал.

– У меня такое впечатление, – добродушно заметил он, – что вы чего-то ждете.

– Вы еще никогда не приглашали меня на обед.

– Мне нравится ваше общество.

– И все?

Он стряхнул пепел с сигары.

– Нет, конечно.

– Я так и думал, – улыбнулся я. – Но возможно, я воспользовался вашим гостеприимством на основании ложных предпосылок.

– Сознательно?

– Быть может. Я ведь не знаю, что у вас на уме.

– Отчего вы так рассеянны? – спросил Чарли. – Когда такой человек, как вы, погружается в нечто вроде транса...

– Я так и думал! – вздохнул я. – Нет, это не полезная умственная деятельность. Это последствия ссоры не на жизнь, а на смерть между мною и Джоди Лидсом.

– Очень жаль.

– Что жаль? Что мы поссорились или что это было не вдохновение?

– И то и другое, я полагаю. А из-за чего вы поссорились?

– Я отказался от его услуг.

Чарли изумленно уставился на меня:

– Господи, почему?

– Он сказал, что, если я кому-нибудь это расскажу, он подаст на меня в суд за оскорбление личности.

– Вот как! – Чарли внезапно оживился, как прищипоренная лошадь. – А что, он действительно может подать в суд?

– Думаю, что да.

Чарли затянулся и выпустил дым тоненькой струйкой из уголка рта.

– Не хотите рисковать?

– Ну, вам довериться можно, вы человек надежный...

– Абсолютно, – подтвердил он. – Дальше меня это не пойдет.

Я ему поверил. И сказал:

– Он придумал способ обворовывать меня на крупные суммы, так что я даже не знал, что меня грабят.

– Но ведь вы должны были заметить, что кто-то...

Я покачал головой:

– Наверно, я не первый, с кем проворачивают такую штуку. Это так просто...

– Продолжайте, продолжайте! – сказал Чарли. – Чем дальше, тем интереснее.

– Хорошо. Предположим, вы – неплохой и довольно талантливый тренер скаковых лошадей, но при этом питаете непреодолимую тягу к чужим, незаработанным деньгам.

– Предположим.

– Тогда вам прежде всего нужен глупый лох с кучей денег и энтузиазма, ничего не смыслящий в скачках.

– То есть вы?

– То есть я. – Я печально кивнул. – Кто-то рекомендует мне вас как хорошего тренера, на меня производит большое впечатление ваш деловитый вид, и я прибегаю к вам и спрашиваю, не могли бы вы купить мне хорошую лошадь, потому что я желаю сделаться владельцем.

– И я покупаю по дешевке хорошую лошадь и сдираю с вас за нее целое состояние?

– Нет. Вы покупаете самую лучшую лошадь. Я очень доволен. Вы начинаете тренировать эту лошадь, и скоро она уже готова к скачкам. И тут вы говорите, что знаете одного хорошего букмекера, и знакомите меня с ним.

– Гм-гм...

– Вот именно. Однако букмекер действительно оказывается весьма почтенным человеком. Я не привык делать крупные ставки и поэтому очень доволен, что могу довериться столь достойному господину. Вы, мой тренер, говорите мне, что лошадь подает большие надежды

и что мне стоит поставить по маленькой на то, что она займет одно из призовых мест. Ну, скажем, по сто фунтов.

– Это называется по маленькой?!

– Вы ставите мне на вид, что это немногим больше расходов на содержание лошади за три недели.

– Вот как?

– Именно. Я немного покряхтел – до сих пор я никогда не ставил больше десятки – и поставил. Но лошадь действительно показала хороший результат и заняла третье место, так что в результате букмекер заплатил мне, а не я букмекеру.

Я допил свой портвейн. Чарли прикончил свой и заказал еще кофе.

– В следующий раз, когда лошадь участвует в скачках, – продолжал я, – вы говорите мне, что сейчас она действительно в хорошей форме и, если я хочу сорвать по-настоящему крупный куш, это надо делать теперь, пока об этом не пронюхали букмекеры и прочие игроки. Букмекер предлагает мне хорошую ставку, я в эйфории и решаюсь рискнуть.

– И ставите тысячу?

– Тысячу, – кивнул я.

– И?

– Об этом становится известно, и мой конь делается фаворитом. Однако день для него оказывается неудачным. Он скачет хуже, чем в прошлый раз, и приходит пятым. Вы очень расстроены. Вы не понимаете, в чем дело. Мне приходится вас утешать и говорить, что в следующий раз конь непременно придет первым.

– Но этого не происходит?

– Происходит. Он блестяще выигрывает скачку.

– Но вы на него не ставили?

– Ставил. На этот раз ставка была не пять к двум, как раньше, а шесть к одному. Я поставил пятьсот фунтов и выиграл три тысячи. Я был абсолютно счастлив. Я вернул все, что потерял, и даже значительно больше, плюс еще приз за скачку. Я оплатил из выигрыша счета тренера и отчасти окупил стоимость лошади. Мне начинает нравиться быть владельцем. Я прошу вас купить мне еще одну лошадь. Можно даже двух или трех, если найдутся подходящие.

– И на этот раз вы выкладываете большие деньги за аутсайдеров?

– Ни в коем случае! Моя вторая лошадь – чудесный двухлеток. Он выигрывает первую же скачку. Я ставил на него всего лишь сотню, но, так как ставка была десять к одному, я был весьма доволен. Поэтому в следующий раз моя лошадь оказывается первым фаворитом, о ней пишут во всех газетах, и вы уговариваете меня поставить действительно крупную сумму. Вы говорите, что такая возможность представляется нечасто и что все противники вашему коню, как говорится, в подметки не годятся. Вы меня убедили. Я выкладываю три тысячи фунтов.

– О господи! – сказал Чарли.

– Вот именно. Мой конь с самого начала ведет скачку, как настоящий чемпион, и все идет чудесно. Но на середине дистанции в пять фарлонгов у седла ломается пряжка, подпруги расстегиваются, и жокею приходится остановить лошадь, потому что иначе он упадет.

– Три тысячи! – вздохнул Чарли.

– Псу под хвост, – кивнул я. – Вы безутешны. Подпруга была новая, а вот пряжка подвела... Ничего-ничего, говорю я, покряхтывая. Попробуем в другой раз.

– И вы попробовали?

– Вы быстро схватываете. В следующий раз лошадь – снова фаворит, и, хотя на этот раз мне не удалось вернуть себе предыдущий проигрыш, мой конь снова выиграл приличный приз, так что в целом я не остался в убытке и получил массу удовольствия. И был весьма доволен.

– И так оно и шло?

– Так оно и шло. Я обнаружил, что вид скачущих лошадей доставляет мне все больше и больше радости. Особенно когда эти лошади мои. Конечно, это хобби обходится недешево – владельцы редко остаются с прибылью, – но оно того стоит.

– А что потом?

– Да ничего. Просто у меня появились мелкие подозрения. Я старался выбросить это из головы, говорил себе, что это чудовищная несправедливость по отношению к вам после того, как мои лошади брали столько призов, и все благодаря вам. Но подозрения умолкать не желали. Видите ли, я заметил, что мои лошади проигрывают именно тогда, когда я делаю самые крупные ставки.

– Ну, это могли бы сказать многие владельцы, – заметил Чарли.

– Да, конечно! Но я подсчитал все крупные ставки, которые ко мне не вернулись, и вышло что-то около сорока тысяч фунтов.

– Великий боже!

– Мне стало ужасно стыдно, но я все же задался вопросом: что, если предположить – только предположить! – что каждый раз, как я ставлю больше тысячи, мой тренер с моим букмекером сговариваются, просто оставляют деньги себе и делают так, чтобы лошадь не пришла первой. Предположим, что, когда я ставлю, скажем, тысячу, они делят денежки пополам, а лошадь спотыкается, или не выходит на старт, или ломается пряжка на подпруге... Предположим, что на следующий раз лошадь в великолепной форме и скачка выбрана такая, чтобы соперники были значительно слабее, и лошадь, само собой, выигрывает, и я снова доволен и счастлив... Предположим, что в таком случае мой тренер и букмекер ставят на лошадь сами – на те деньги, которые они получили с меня в прошлый раз... Чарли слушал затаив дыхание.

– Если моя лошадь выигрывает, они тоже выигрывают. Если лошадь проигрывает, они теряют не свои деньги, а мои.

– Чистенько!

– Да. Потом проходит несколько недель, сезон гладких скачек заканчивается, подходит время стипль-чезов. А вы, мой тренер, нашли для меня превосходного молодого стиплера, действительно первоклассную лошадь. Я ставлю на него в первой скачке, и он выигрывает без особого труда. Я восхищен. Но и озабочен, потому что вы мне сказали, что в Сэндаун-парке будет скачка, словно специально для него созданная, и что он непременно выиграет, и советуете сделать на него очень крупную ставку. Но теперь я исполнен жутких страхов и подозрений, и, поскольку этот конь мне особенно нравится и мне не хочется, чтобы он сломался оттого, что его придерживают, когда он мог бы победить, – а я уверен, что с двумя другими лошадьми именно это и произошло, – я говорю, что не буду на него ставить.

– Это встретили в штыки?

– Еще как! Вы энергичнее, чем когда бы то ни было, убеждаете меня сделать крупную ставку. Я отказываюсь. Вы явно разочарованы и предупреждаете меня, что я об этом пожалею, потому что лошадь непременно выиграет. Я отвечаю, что обожду до другого раза. Вы говорите, что я совершаю большую ошибку.

– А когда я все это говорил?

– Вчера.

– А сегодня? – спросил Чарли.

– А сегодня мои подозрения разыгрались с новой силой. Сегодня я подумал, что, быть может, вы дадите коню выиграть, если он сможет, специально затем, чтобы доказать мне, что я промахнулся, не поставив на него. Так что в следующий раз вы без труда убедите меня сделать самую крупную ставку.

– Эге-ге!

– Именно. Поэтому сегодня я не сказал вам, что некоторое время назад я, из-за возникших у меня подозрений, открыл кредитный счет на тотализаторе и поставил там тысячу фунтов на свою лошадь.

– Какой вы нехороший!

– Разумеется.

– И ваша лошадь выиграла.

– Он выглядел великолепно. – Я криво улыбнулся. – А после скачки вы мне сказали, что я сам виноват, что не поставил на него. Вы сказали, что предупреждали меня. И что в следующий раз мне стоит слушаться ваших советов.

– И что?

– И тогда, – я вздохнул, – тогда все мои подозрения превратились в уверенность. Я знал, что он обманывал меня и другими способами. По мелочам. Множество мелких предательств. Ничего страшного. Я сказал ему, что следующего раза не будет. Я сказал, что забираю лошадей.

– И что он сказал на это?

– Он не спросил почему.

– О боже! – сказал Чарли.

Глава 3

Я рассказал Чарли обо всем, что произошло в этот день. Постепенно вся веселость оставила его, и под конец он сделался чрезвычайно мрачным.

– И он останется безнаказанным, – сказал Чарли, когда я закончил.

– Да, конечно.

– Вы ведь помните, что его отец – член Жокейского клуба?

– Помню.

– Джоди Лидс – вне подозрений!

Отец Джоди, Квинтус Лидс, добился высокого положения в мире скачек благодаря тому, что родился пятым сыном пэра, владел несколькими скаковыми лошадьми и был знаком с нужными людьми. Он обладал внушительной внешностью – высокий, плотный, красивый, – и его голос и манеры источали глубокую уверенность в себе. Он умел пронизывать людей взором красивых серых глаз, глубокомысленно поджимать губы и таинственно качать головой в ответ на вопросы, показывая, что знает, но не имеет права отвечать. Я про себя думал, что его благородный вид и величественные манеры – нечто вроде великолепных портьер, предназначенных для того, чтобы скрывать внутреннюю пустоту. Впрочем, он, несомненно, был человек честный и благонамеренный.

Квинтус весьма гордился Джоди, гордо выпячивая грудь и сияя от радости на ипподромах от Эпсома до Йорка.

С точки зрения Квинтуса, его сын Джоди, энергичный, умный и толковый, не мог сделать ничего дурного. Квинтус верил ему во всем. А он, несмотря на отсутствие мозгов, имел достаточный вес в обществе, чтобы повлиять на мнение официальных лиц.

Как и говорил Джоди, мне не удастся ничего доказать. Если я хотя бы намекну, что он меня обворовывал, Джоди натравит на меня адвокатов и вся махина Жокейского клуба встанет на его сторону.

– И что вы намерены делать? – спросил Чарли.

– Не знаю, – я слабо улыбнулся. – Наверно, ничего.

– Это же несправедливо!

– Любое преступление несправедливо по отношению к жертве.

Чарли сделал гримасу по поводу того, как дурно устроен наш мир, и попросил счет.

На улице мы свернули налево и пошли по Бошам-плейс. Как оказалось, мы оба оставили свои машины за углом, на Уолтон-стрит. Вечер был холодный, облачный, сухой и ветреный. Чарли спрятал уши в воротник пальто и натянул теплые черные кожаные перчатки.

– Ненавижу зиму! – сказал он.

– А я ничего против нее не имею.

– Вы еще молоды, – сказал он. – Вы просто не чувствуете холода.

– Ну, не так уж я и молод. Мне тридцать пять.

– Практически младенец.

Мы свернули за угол, и на нас яростно набросился ледяной, как в Арктике, ветер.

– Ненавижу! – повторил Чарли.

Его машина, большой синий «Ровер-3500», стояла ближе, чем мой «ламборджини». Мы остановились у его машины, и он отпер дверцу. По улице навстречу нам шла девушка в длинном платье. Ветер рвал ее юбку, и ее волосы полоскались на ветру, как знамя.

– Очень содержательный вечер, – сказал Чарли, протягивая мне руку.

– Не то, чего вы ожидали, – сказал я, пожимая ему руку.

– Это, пожалуй, даже интереснее.

Чарли открыл дверцу и сел в машину. Девушка в длинном платье прошла мимо, цокая каблучками по мостовой. Чарли пристегнул ремень, и я захлопнул дверцу.

Девушка остановилась, постояла в нерешительности и вернулась к нам.

– Извините... – сказала она. – Я хотела спросить...

Она вроде бы передумала и замолчала.

– Не могли бы мы чем-нибудь помочь? – осведомился я.

Американка, лет двадцати с небольшим, и явно ужасно замерзла. На плечах у нее была лишь легкая шелковая шаль, а под ней – легкое шелковое платье. Без перчаток. В золотых сандалиях. Золотая сетчатая сумочка. В свете уличных фонарей ее лицо казалось совершенно белым, и она дрожала крупной дрожью.

– Садитесь ко мне в машину, – предложил Чарли, опуская окно, – спрячьтесь от ветра. Девушка покачала головой.

– Наверно, я... – Она повернулась, чтобы уйти.

– Не глупите, – сказал я. – Вам нужна помощь. Не отказывайтесь.

– Но...

– Скажите, что вам нужно?

Она еще немного поколебалась, потом наконец решилась:

– Мне нужно немного денег!

– И все? – сказал я, выуживая из кармана бумажник. – Сколько?

На такси... до Хэмпстеда.

Я достал пятерку:

– Этого хватит?

– Да. Я... куда их вам прислать?

– Да не беспокойтесь.

– Нет-нет, я верну!

– Да он это добро пачками считает, – сказал Чарли. – Не обеднеет он от одной пятерки.

– Дело не в этом, – возразила девушка. – Если вы мне не скажете, куда их вернуть, я не возьму.

– Смешно спорить о морали, когда вы совсем замерзли, – сказал я. – Меня зовут Стивен Скотт. Мой адрес – Риджентс-парк, Мальтхауз. Присылайте – дойдет.

– Спасибо.

– Да давайте я вас сам отвезу. У меня машина. – Я махнул рукой вдоль улицы.

– Нет, спасибо! – ответила девушка. – Как вы думаете, каким образом я влипла в эту передрагу?

– И каким же?

Она плотнее закуталась в свою шаль.

– Я приняла самое обычное приглашение на обед, а потом обнаружила, что обед должен был иметь продолжение. Поэтому я оставила его еще за супом и сбежала и, только выйдя на улицу, обнаружила, что у меня нет с собой денег. Он заехал за мной домой, понимаете? – Она внезапно улыбнулась, показав ровные белые зубы. – Надо ж быть такой душой!

– Тогда пусть Стивен сходит и поймает вам такси, – предложил Чарли.

– О'кей.

На то, чтобы поймать такси, у меня ушло несколько минут, но, когда я вернулся, она по-прежнему стояла на улице, рядом с машиной Чарли, пытаясь укрыться за ней от ветра. Я вылез из такси, она села в него и без долгих разговоров уехала.

– Вот так дураки и ловятся, – заметил Чарли.

– Да нет, она говорила правду.

– Не факт. Откуда вы знаете, что она не выскочит из такси в двух кварталах отсюда и не отправится вытягивать пятерку из очередного сэра Галахада?

Чарли рассмеялся, поднял стекло, махнул мне рукой и уехал.

Утром в понедельник я получил одну хорошую новость и две плохие.

Хорошей новостью было письмо со вложенной в него бумажкой в пять фунтов. «Вот вам, Чарли!» – торжествующе подумал я.

Дорогой мистер Скотт!

Очень благодарна вам за то, что вы так меня выручили в субботу вечером. Видимо, впредь я всегда буду брать с собой на свидание деньги на дорогу.

Искренне ваша

Александра Уорд

А плохие новости были напечатаны в газетах. Обе газеты, которые я получал (одна спортивная, другая обычная), высказались по поводу владельцев, бросающих тренеров, которые работают на них в поте лица. В одной заметке говорилось:

Джоди Лидс очень тяжело воспринял тот факт, что после всего, что он сделал для мистера Скотта, этот владелец счел нужным объявить, что забирает от него своих лошадей. Как мы уже писали в этой рубрике год назад, Джоди Лидс переехал в более обширные конюшни Берксаун-Корт специально ради того, чтобы иметь возможность разместить всех лошадей Скотта. И вдруг, без малейшего предупреждения, двадцативосьмилетний тренер оказался брошен на произвол судьбы, притом что он еще не успел расплатиться с долгами. Возможно, слово «предательство» покажется чересчур суровым. Но слово «неблагодарность» здесь вполне уместно.

Другая статья была написана в более развязном стиле, свойственном бульварным газетам:

Лидс (28 лет) ни с того ни с сего получил по шапке от своего неблагодарного владельца Стивена Скотта (35 лет). В субботу в Сэндауне он сказал следующее: «Я остался на бобах. Скотт послал меня подальше и отправился получать выигрыши и призы за победу своего стиплера Энерджайза, которого я тренировал. Мне ужасно хреново. Бьешься, бьешься ради этих владельцев, а они тебе в морду дают».

Пора защитить тренеров от подобных выходов! Ходят слухи, что Лидс намеревается подать в суд.

Да, все эти наострившие уши репортеры с блокнотиками присутствовали там не напрасно. Вполне возможно, все они искренне верили в то, что Джоди был пострадавшей стороной, но ни один даже не потрудился узнать мою точку зрения. Никому, похоже, не пришло в голову, что у моих действий была серьезная причина.

Я с отвращением отложил обе газеты, закончил завтракать и взялся за дневную работу. Она, как обычно, состояла по большей части в том, что я сидел в кресле и пялился в потолок. День был тихий и морозный. Я написал письмо мисс Уорд.

Дорогая мисс Уорд!

Спасибо большое за то, что вернули деньги. Не согласитесь ли отобедать со мной? Продолжения не будет. Пять фунтов на дорогу домой прилагаются.

Искренне ваш

Стивен Скотт

Вечером я позвонил трем разным тренерам и предложил каждому взять по три лошади. Все трое согласились, но с опаской. Ни один не спросил, почему, собственно, я порвал с Джоди, хотя газеты все трое явно читали.

Один, прямолинейный северный фермер, сказал:

– Мне нужны гарантии, что вы оставите их у меня как минимум на полгода, конечно, если они не охромеют или что-нибудь такое.

– Хорошо.

– Письменная.

– Если вам угодно...

– Ага. Мне угодно. Присылайте их вместе с гарантийным письмом, и я их возьму.

Для Энерджайза я выбрал большую конюшню в Сассексе, где были созданы самые лучшие условия для стиплеров. Несмотря на осторожный тон и недомолвки тренера Руперта Рэмзи, я понял, что он ставит Энерджайза почти так же высоко, как и я.

Последних трех я решил отправить в Ньюмаркет, в небольшую конюшню, чьи питомцы достигали средних успехов. Стивен Скотт больше никогда не станет хранить все яйца в одной корзине!

В конце концов я с неохотой снял трубку и набрал знакомый номер Джоди. Трубку, однако, снял не он, а Фелисити, его жена.

– Что вам надо? – резко, с горечью спросила она.

Я представил ее себе в их роскошно обставленной гостиной. Худенькая и решительная блондиночка, такая же всеведущая и трудолюбивая, как Джоди. Она сейчас, наверно, одета в тугие синие джинсы и дорогую рубашку, на запястье у нее позванивают шесть золотых браслетов, и она благоухает мускусными духами. У нее обычно обо всем было свое мнение, которое она высказывала решительно, не терпя возражений. Но до сих пор она никогда не пробовала своих коготков на мне лично.

– Договориться о перевозке, – сказал я.

– Стало быть, вы все же решили нас погубить!

– Вы выживете.

– Трепло самодовольное! – зло сказала Фелисити. – Так бы и придушила! После всего, что Джоди для вас сделал...

Я помолчал.

– А он вам не сказал, почему я решил порвать с ним?

– Из-за какой-то паршивой лишней десятки в счете!

– Нет, все было куда серьезнее, – возразил я.

– Чепуха!

– Спросите у него, – сказал я. – Как бы то ни было, в четверг утром я пришлю за лошадьми три фургона. Шоферы будут знать, как выглядит каждая из лошадей и куда их нужно везти. Скажите Джоди, что, если он снова вздумает подменить лошадей, ему придется заплатить за лишние перевозки самому.

Слова, которыми она меня обозвала, потрясли бы отца Джоди до глубины души.

– В четверг, – повторил я. – Три фургона, в разных направлениях. До свидания.

Неприятно. Ужасно неприятно.

Я мрачно сидел, смотрел по телевизору какую-то пьесу и не слышал ни слова. Без четверти десять зазвонил телефон. Я выключил телевизор.

– ... Я просто хотел узнать, сэр, как теперь со мной будет.

Раймонд Чайльд. Жокей-стиплер средней руки. Тридцать лет. Довольно серая личность. Ездил он неплохо, но чем чаще я бывал на скачках и чем лучше разбирался в них, тем отчетливее я видел его недостатки. К тому же я был уверен, что Джоди не мог бы так манипулировать моими лошадьми без помощи жокея.

– Я пришлю вам премию за Энерджайза, – сказал я.

Жокеи официально получают процент от суммы приза, но владельцы, которые хотят выразить особую благодарность, часто посылают им дополнительные премии от себя.

– Спасибо, сэр... – Он, похоже, удивился.

– Я ставил на него и выиграл крупную сумму.

– Разве? – Раймонд удивился еще больше. – А Джоди говорил... – Он осекся.

– Я ставил на тотализаторе.

– А-а...

Молчание затянулось. Раймонд прокашлялся. Я ждал.

– Так вот, сэр. Я... э-э... как насчет будущего?

– Мне очень жаль, – сказал я, отчасти даже искренне. – Я благодарен вам за победы, которые вы одерживали. Я пришлю вам премию за Энерджайза. Но в будущем на нем будет ездить жокей, который работает с его новым тренером.

Раймонд ругаться не стал. Он только тяжело вздохнул:

– На самом деле, сэр, я вас понимаю...

Это было почти равносильно признанию. Ответить я ничего не успел – он повесил трубку.

Во вторник одна из моих лошадей должна была участвовать в скачках в Чепстоу, но, поскольку я отказался от услуг Джоди, он не мог ее туда отправить. Все утро я бесцельно бродил по квартире, а днем отправился гулять. Я прошел от Кенсингтон-Гарденс до Тауэра. Холодный, серый, сырой день; над илистыми отмелями, обнажившимися во время отлива, орут чайки. Кофейного цвета река торопится к морю. Я стоял, глядя на Сити с вершины невысокого холма, на котором стоит Тауэр, и думал о тех, кто сложил здесь голову на плахе. Совершенно декабрьское настроение. Я купил пакетик жареных каштанов и поехал домой на автобусе. В среду пришло письмо.

Дорогой мистер Скотт!

Где и когда?

Александра Уорд

Пятерку она оставила себе.

В четверг вечером три тренера подтвердили, что получили моих лошадей. В пятницу я немного поработал, а в субботу поехал на скачки в Челтенхем. Я, конечно, не думал, что меня встретят овацией, но всеобщей обструкции тоже не ожидал.

Некоторые просто ненавязчиво поворачивались ко мне спиной. Некоторые знакомые, говоря со мной, прятали глаза и при первой возможности спешили удалиться. Репортеры исподтишка следили за мной, тренеры держались настороженно, а Жокейский клуб проявлял холодную враждебность.

Один только Чарли Кентерфильд подошел ко мне, улыбаясь во весь рот, и пожал мне руку.

– У меня что, рога выросли, что ли? – спросил я.

Он расхохотался:

– Вы ударили лежачего. Благородные британцы вам этого не простят.

– Даже если этот лежачий ударил первым?

– Слабейший всегда прав.

Он повел меня в бар.

– Я провел нечто вроде социологического опроса. Процентом десять полагают, что вас тоже стоит выслушать. Процентом десять придерживаются мнения, что вас надо пристрелить. Что пить будете?

– Шотландское виски. Воды и льда не надо. А остальные восемьдесят процентов?

– Столько благородного негодования, что Гринпису хватило бы на несколько месяцев работы. – Он расплатился за выпивку. – Ваше здоровье!

– И вам того же.

– Уляжется, – сказал Чарли.

– Я тоже так думаю.

– На кого бы вы поставили в третьей скачке?

Мы принялись обсуждать сегодняшних фаворитов и о Джоди больше не упоминали. Но потом, когда я остался один, мне стоило большого труда не обращать внимания на всеобщую враждебность. Я поставил по десятке на пару лошадей на тотализаторе и проиграл. Такой уж день выдался.

Весь день мне ужасно хотелось объяснить всем и каждому, что это я был пострадавшей стороной, я, а не Джоди. Но я вспоминал о новых тысячах, которые он непременно вытянет из меня, если я хотя бы заикнусь об этом, и помалкивал.

Гвоздем программы был Квинтус собственной персоной. Он преградил мне путь и громко заявил, что я позорю доброе имя английских скачек. Я подумал, что Квинтус постоянно изъясняется штампами...

– Должен сказать вам одну вещь, – продолжал Квинтус. – Если бы вы не поступили так подло с Джоди, вы были бы избраны членом Жокейского клуба. Мы рассматривали вашу кандидатуру. Но теперь вам этого не предложат – я об этом позабочусь.

Он резко кивнул и отступил в сторону. Я не двинулся с места:

– Это ваш сын поступил подло со мной.

– Да как вы смеете!

– Можете мне поверить.

– Глупости какие! Нестыковка в вашем счете – результат обычного недоразумения. Секретарь ошибся. Если вы посмеете утверждать, что это было нечто иное...

– Знаю, – перебил я. – Он подаст на меня в суд.

– Совершенно верно! Все деньги Джоди заработаны законным путем.

Я ушел. Квинтус пристрастен, но я знал, что от репортеров я получу прямой ответ.

Я подошел к старшему обозревателю одного из ведущих ежедневников, человеку лет пятидесяти, который писал отрывистым телеграфным стилем и сосал мятные леденцы, чтобы не курить.

– Как Джоди Лидс объясняет то, что я забрал у него своих лошадей? – спросил я.

Обозреватель причмокнул губами идохнул на меня мятным ароматом.

– Говорит, что он по ошибке взял с вас деньги за работу с лошадьми, которой на самом деле не было.

– И все?

– Еще – что вы обвинили его в воровстве и сказали, что решили сменить тренера.

– А как вы к этому отнеслись?

– Я – никак. – Он пожал плечами и снова задумчиво причмокнул губами. – А другие...

Общее мнение – что это действительно была ошибка и что вы, мягко говоря, поступили опрометчиво.

– Понятно, – сказал я. – Спасибо.

– Это все? Вы мне ничего не хотите рассказать?

– Нет, – сказал я. – Извините.

Он сунул в рот еще одну конфету, неопределенно кивнул мне и ушел искать более перспективные темы. Моя история для него была уже вчерашним днем. Он отправился на поиски новых жертв.

Я в задумчивости отправился на лужайку клуба смотреть скачку. Когда все относится к тебе как к негодяю – это не очень-то приятно. Последний удар нанесла мне девица, которую я однажды возил в Аскот.

– Стивен, дорогой, – сказала она с кокетливым упреком, – вы просто бессердечный богачей! Бедный малый еле-еле сводит концы с концами. Ну, даже если он и нагрел вас на пару фунтов, что в этом такого? По-моему, вы чересчур неуравновешенны.

– Вы всерьез полагаете, что богатые существуют для того, чтобы всякие Робин Гуды их грабили?

– Чего-чего?

– Да ничего.

Я сдался и уехал домой.

Вечер прошел куда лучше. В восемь часов я забрал мисс Александру Уорд из дома в Хэмпстеде и повез ее обедать в алый с золотом зал «Кафе-Рояль».

В свете ламп, в тепле и уюте, она оказалась точно такой, как запомнилась мне с прошлой недели. Все та же длинная черная юбка, кремовая кофточка, кремовая шелковая шаль. Все те же золотые сандалии, золотая сетчатая сумочка, без перчаток. Но на этот раз ее каштановые волосы были причесанными и блестящими, на щеках горел румянец, глаза блестели. В ней чувствовалось неуловимое нечто, некая печать породистости, свойственная американкам.

Когда я позвонил в дверь ее дома, она отворила мне сама. Некоторое время мы просто смотрели друг на друга. Она, полагаю, увидела перед собой крепко сбитого мужчину шести футов ростом, темноволосого, темноглазого, ничем особенно не примечательного. Аккуратного, подтянутого, хорошо воспитанного, в традиционном вечернем костюме.

– Добрый вечер, – сказал я.

Она улыбнулась, кивнула, словно укрепилась в принятом решении, переступила порог и закрыла за собой дверь.

– Тут живет моя сестра, – пояснила она, указывая на дом. – А я у нее в гостях. Она вышла замуж за англичанина.

Я открыл перед ней дверцу машины. Она скользнула на сиденье, я завел мотор, и мы поехали.

– Из Штатов приехали? – спросил я.

– Да. Из Уэстчестера... это рядом с Нью-Йорком.

– Быстро развивающийся небольшой городок? – усмехнулся я.

Она покосилась на меня:

– Вы знаете Уэстчестер?

– Нет. Я только несколько раз бывал в Нью-Йорке.

Мы остановились у светофора. Она заметила, что сегодня чудесный вечер. Я согласился.

– Вы женаты? – вдруг спросила она.

– Вы захватили пятерку?

– Захватила.

– Хм... Нет, не женат.

Загорелся зеленый свет. Мы поехали дальше.

– Вам можно верить? – спросила она.

– В этом отношении – да. Я не женат. И никогда не был женат.

– Мне просто хотелось знать, – сказала она мягко, как бы оправдываясь.

– Да нет, все в порядке.

– Ради вашей предполагаемой жены.

– Я понял.

Наконец мы остановились перед «Кафе-Рояль» у цирка Пикадилли. Я помог ей выйти из машины. Входя в ресторан, она обернулась и увидела, как невысокий худощавый человек садится за руль моей машины.

– Он на меня работает, – пояснил я. – Он отгонит машину на стоянку.

Это ее, похоже, позабавило.

– И что, он вот так все время стоит тут и ждет?

– Нет, не все время. По субботам, в выходной.

– И ему это нравится?

– Он всегда просит, чтобы я приходил с дамами. Иначе я отгоняю машину сам.

Войдя в ярко освещенный холл, она остановилась, чтобы еще раз разглядеть, с кем, собственно, она собирается обедать.

– Чего вы от меня ждете? – спросила она.

– Прежде чем я вас забрал, я ожидал, что вы окажетесь честной, прямой и колючей. Теперь, когда мы знакомы уже полчаса, я жду, что вы окажетесь колючей, прямой и честной.

Она широко улыбнулась, блеснули белые зубы, от глаз разбежались лучики.

– Я не это имела в виду.

– Понимаю... А чего вы ждете от меня?

– Безукоризненно джентльменского поведения и приличный обед.

– Фу, как скучно!

– Не хотите – как хотите.

– Бар там, – указал я. – Я согласен.

Она одарила меня еще одной ослепительной улыбкой, младшей сестрой первой, и отправилась в указанном направлении. Она взяла водку с мартини, я – шотландское виски, мы закусывали маслинами и деликатно сплевывали косточки в кулак.

– И часто вы подбираете девушек на улице? – спросила она.

– Только когда они падают.

– В смысле, падших девушек?

Я рассмеялся:

– Нет, не этих!

– А чем вы зарабатываете себе на жизнь?

Я глотнул виски.

– Я – нечто вроде инженера.

Это прозвучало ужасно скучно.

– Мосты, башни и все такое?

– О нет, ничего столь полезного и долговечного.

– А что тогда?

Я криво улыбнулся:

– Я делаю игрушки.

– Что-что?

– Игрушки. Такие штуки, которыми играют.

– Да знаю я, что такое игрушки, черт возьми!

– А чем вы занимаетесь? – поинтересовался я. – Там, у себя в Уэстчестере.

Она усмехнулась поверх бокала:

– А почему вы так уверены, что я работаю?

– У вас вид такой.

– Я повар.

– Гамбургеры и пицца?

Ее глаза насмешливо блеснули.

– Нет, свадьбы и приемы.

– Метрдотель?

Она кивнула:

– Мы занимаемся этим вместе с подругой, Милли.

– А когда вы уезжаете?

– В четверг.

Мне внезапно показалось, что до четверга совсем мало времени. После длительной паузы она сказала почти виновато:

– Видите ли, Рождество на носу. Во время Рождества и Нового года у нас самая работа.

Милли одна не управится.

– Да, конечно.

Мы отправились обедать. Ели копченую форель и мясо в тесте. Она прочла меню от начала до конца с профессиональным интересом и уточнила у главного официанта компоненты двух-трех блюд.

– Здесь многое по-другому, – пояснила она.

В винах она разобралась плохо.

– Я его пью, когда предложат, но на вкус лучше различаю крепкие напитки.

Официант, подававший вина, посмотрел недоверчиво, но, когда она безошибочно определила, что коньяк, поданный к кофе, – это «Арманьяк», официант проникся к ней почтением.

– А где находится ваша игрушечная фабрика? – спросила она.

– Фабрики у меня нет.

– Но вы же говорили, что делаете игрушки.

– Делаю.

Вид у нее сделался недоверчивый.

– Вы что, хотите сказать, что действительно делаете их? В смысле, своими руками?

– Да, – улыбнулся я.

– Но... – Она оглядела бархатную комнату. Мысли ее были ясны как божий день: если я работаю руками, часто ли я могу позволить себе такую роскошь?

– Я их делаю не так часто, – пояснил я. – Большую часть времени я провожу на скачках.

– Ладно, – сказала она. – Сдаюсь. Вы меня поймали. Раскройте, наконец, свою тайну.

– Хотите еще кофе?

– Мистер Скотт... – начала она, потом осеклась. – Глупо как-то звучит, правда?

– Глупо, мисс Уорд. И вообще, почему мы до сих пор на «вы»?

– Стивен...

– Вот, так гораздо лучше.

– Мама зовет меня Александра. Милли меня зовет Эл. Ты можешь называть как хочешь.

– Элли пойдет?

– Да бога ради.

– Я изобретаю игрушки, – пояснил я. – Беру патенты. Другие люди их производят. А я получаю авторские.

– О-о.

– Что означает это «о-о»? Понимание, восхищение или просто скуку смертную?

– Это означает: «О, как классно! О, как интересно!» Я еще никогда не встречала людей, которые занимаются чем-то подобным.

– А ведь таких очень много.

– Это ты изобрел игру «Монополия»?

– К сожалению, нет! – усмехнулся я.

– Но твои игрушки тоже в этом духе?

– В основном механические.

– Как странно... – начала она, потом остановилась.

Но мне это говорили достаточно часто, так что я dokonчил за нее:

– Как странно, когда взрослый человек проводит свою жизнь в стране игрушек?

– Ну вот, ты сам сказал.

– Детей надо развивать.

Она поразмыслила.

– Ну да, ведь нынешние дети – это наши будущие правители?

– Ну, так высоко я не замахиваюсь. Нынешние дети – это будущие отцы и матери, учителя, фермеры и бездельники.

– И ты исполнен миссионерского зуда?

– Да, особенно когда получаю очередной чек.

– Ты циник!

– Лучше быть циником, чем напыщенным занудой.

– Это честнее, – согласилась она.

Ее глаза улыбались в мягком свете, отчасти насмешливо, отчасти дружелюбно. Серо-зеленые, блестящие глаза, с голубовато-белыми белками. Брови у нее были безукоризненные. Нос короткий и прямой, уголки губ чуть приподняты, на щеках – едва приметные ямочки. В общем, не стандартная красавица, а миловидная и энергичная женщина с характером. Жизнь уже успела оставить на ее лице легкие, чуть заметные следы. Удачливая, довольная жизнью. Не знающая тревог и смятения. Очень уверенная в себе, знающая о своей привлекательности и преуспевающая на избранном поприще. Явно не девственница: у девушек взгляд другой.

– А до четверга ты будешь занята? – спросил я.

– Ну, несколько минут выкроить смогу.

– А завтра?

Она улыбнулась и покачала головой:

– Нет, завтра времени нет совсем. Вот в понедельник, если хочешь...

– Я за тобой заеду, – сказал я. – В понедельник утром, в десять.

Глава 4

Судя по голосу в телефонной трубке, Руперт Рэмзи не особенно обрадовался известию о моем визите.

– Да, конечно, если хотите навестить лошадей, то приезжайте. Дорогу знаете?

Он дал мне четкие и подробные указания, и в воскресенье, в половине двенадцатого, я миновал белые каменные ворота и остановился на большой, усыпанной гравием площадке возле его дома.

Это был настоящий дом эпохи короля Георга: простой, с просторными комнатами и элегантными лепными потолками. Но мебель не была нарочито антикварной – все эпохи смешались, создавая общую рабочую атмосферу, абсолютно современную.

Руперту было лет сорок пять. Обманчиво медлительный, а на самом деле – очень энергичный. Говоря, он слегка растягивал слова. Я видел его только издали. Встретились мы впервые.

– Здравствуйте. – Он пожал мне руку. – Зайдемте ко мне в кабинет?

Он провел меня через белую входную дверь, через просторный квадратный холл в комнату, которую он называл кабинетом. Обставлена она была скорее как гостиная, если не считать обеденного стола, который служил письменным, и серого шкафа с папками в углу.

– Присаживайтесь. – Он указал на кресло. – Сигарету хотите?

– Не курю.

– Разумно.

Он усмехнулся так, словно придерживался другого мнения, и закурил сам.

– Судя по виду Энерджайза, последняя скачка далась ему нелегко, – сказал он.

– Он выиграл без особого труда, – возразил я.

– Да, я тоже так подумал. – Руперт затаился и выпустил дым через ноздри. – И все-таки он мне не нравится.

– Чем?

– Ему надо восстановить силы. Мы этим займемся, не беспокойтесь. Но сейчас он выглядит чересчур исхудалым.

– А как остальные двое?

– Дайэл из кожи вон лезет. А с Ферриботом еще надо работать.

– Боюсь, Ферриботу больше не нравится участвовать в скачках.

Сигарета Руперта застыла, не донесенная до рта.

– Почему вы так думаете? – спросил он.

– Этой осенью он участвовал в трех скачках. Вы ведь, наверно, заглядывали в каталог. Все три раза он показал плохой результат. В прошлом году он был полон энтузиазма и выиграл три скачки из семи, но последняя скачка была очень тяжелой... и Раймонд Чайльд избил его в кровь хлыстом. И этим летом, на пастбище, Феррибот, похоже, решил, что, если он будет слишком близок к победе, ему снова придется отведать хлыста, так что единственный разумный выход – не высовываться. Вот он и не высовывается.

Руперт глубоко затаился, поразмыслил.

– Вы рассчитываете, что я добьюсь лучших результатов, чем Джоди?

– С Ферриботом или в целом?

– Ну, скажем... и в том и в другом.

Я улыбнулся:

– От Феррибота я многого не жду. Дайэл – еще новичок, величина неизвестная. А Энерджайз может выиграть Барьерную скачку чемпионов.

– Вы не ответили на мой вопрос, – мягко заметил Руперт.

– Не ответил. Я рассчитываю, что вы добьетесь других результатов, чем Джоди. Этого достаточно?

– Мне бы очень хотелось знать, почему вы с ним расстались.

– Из-за денежных недоразумений, – сказал я. – А не из-за того, как он работал с лошадьми.

Он стряхнул пепел с механической точностью, показывавшей, что мысли его заняты другим. И медленно произнес:

– Вас всегда устраивали результаты, которые показывали ваши лошади?

Вопрос завис в воздухе. В нем таилось множество мелких ловушек. Руперт внезапно поднял голову, встретился со мной взглядом, и его глаза расширились – он понял.

– Вижу, вы понимаете, о чем я спрашивал.

– Да. Но ответить не могу. Джоди обещал, что привлечет меня к суду за оскорбление личности, если я кому-то расскажу, почему я порвал с ним, и у меня нет оснований не верить этому.

– Эта фраза – сама по себе оскорбление личности.

– Несомненно.

Руперт весело встал и раздавил окурок. Теперь он держался куда дружелюбнее.

– Ну ладно. Пошли, посмотрим ваших лошадок.

Мы вышли во двор. Повсюду чувствовалось процветание. Холодное декабрьское солнце освещало свежeweыкрашенные стены, двор был залит асфальтом, повсюду аккуратные цветочные кадки, конюхи в чистых комбинезонах. Ничего общего с тем беспорядком, к которому я привык у Джоди: никаких метел, прислоненных к стене, никаких сваленных в кучу попон, бинтов, щеток и ногавок, нигде ни клочка сена. Джоди любил показывать владельцам, что работа кипит, что у него о лошадях постоянно заботятся. Руперт, похоже, предпочитал прятать пот и труд с глаз долой. У Джоди навозная куча была всегда на виду. У Руперта этого не было.

– Дайэл стоит вот тут.

Мы остановились у денника, расположенного снаружи основного прямоугольника, и Руперт ненавязчивым щелчком пальцев подозвал конюха, стоявшего футах в двадцати.

– Это Донни, – сказал Руперт. – Он ходит за Дайэлом.

Я пожал руку Донни – крепкому парню лет двадцати, с неулыбчивыми глазами, всем своим видом демонстрировавшего, что его не проведешь. Судя по тому, как он взглянул сперва на Руперта, а потом на лошадь, это было не недоверие лично ко мне, а общий взгляд на жизнь. Мы полюбовались некрупным рыжим крепышом. Я попробовал дать Донни пятерку. Он взял, поблагодарил, но так и не улыбнулся.

В том же ряду, чуть подальше, стоял Феррибот. Он смотрел на мир потускневшими глазами и даже не шелохнулся, когда мы вошли в денник. Его конюх, в противоположность Донни, одарил его снисходительной улыбкой и пятерку взял с видимой радостью.

– Энерджайз в главном дворе, – сказал Руперт, показывая мне дорогу. – Вон в том углу.

Когда мы были на полпути к деннику Энерджайза, во двор въехали еще две машины, из которых вывалилась толпа мужчин в дубленках и звенящих браслетами дам в мехах. Они увидели Руперта, замахали ему и потянулись к конюшне.

Руперт попросил меня обождать пару минут.

– Ничего-ничего, – сказал я. – Вы скажите, в каком деннике Энерджайз. Я к нему сам загляну. А вы пока встречайте других владельцев.

– Он в номере четырнадцатом. Я скоро приду.

Я кивнул и направился к четырнадцатому деннику. Отпер засов, вошел. Внутри был привязан темный, почти черный конь. Видимо, его приготовили к моему визиту.

Мы с конем поглядели друг на друга. «Старый друг», – подумал я. Единственный, с которым у меня был настоящий контакт. Я принялся разговаривать с ним, как тогда, в фургоне,

виновато оглядываясь через плечо на открытую дверь – а вдруг кто-нибудь услышит и решит, что я спятил!

Я сразу увидел, почему Руперт беспокоился на его счет. Энерджайз действительно похудел. Похоже, вся эта тряска в фургоне не пошла ему на пользу.

Я видел, как Руперт в другом конце двора разговаривает с владельцами и провожает их к их лошадям. Видимо, по воскресеньям владельцы съезжаются толпами.

Мне было хорошо здесь. Я провел со своим черным конем минут двадцать, и у меня появились странные мысли...

Руперт вернулся почти бегом и принялся дико извиняться:

– Вы все еще здесь... Прошу прощения...

– Не за что, – заверил его я.

– Идемте в дом, выпьем по рюмочке.

– С удовольствием.

Мы присоединились к прочим владельцам и вернулись в кабинет Руперта, где нас щедро угостили джином и виски. Траты на напитки для владельцев нельзя было включать в деловые расходы при расчете налогов, за исключением тех случаев, когда владельцы – иностранные граждане. Джоди жаловался на это каждому встречному и поперечному и с небрежным кивком принимал от меня в подарок ящики спиртного. А Руперт наливал, не скупясь, безо всяких намеков, и это было очень приятно.

Прочие владельцы возбужденно строили планы. Они собирались встретиться на Рождество в Кемптон-парке. Руперт представил нас друг другу и сообщил, что Энерджайз тоже будет участвовать в Рождественской Барьерной.

– Ну, если судить по тому, как он выиграл в Сэндауне, – заметил один из людей в дублинках, – это будет первый фаворит.

Я глянул на Руперта, спрашивая его мнения, но он возился с бутылками и стаканами.

– Надеюсь, – сказал я.

Дублинка глубокомысленно кивнула.

Его жена, уютная дамочка пяти футов ростом, скинувшая своего оцелота и оставшаяся в ярко-зеленом шерстяном костюме, посмотрела на меня с удивлением:

– Но, Джордж, солнышко, Энерджайза ведь тренирует тот славный молодой человек, у которого еще такая хорошенькая женушка. Ну, помнишь, та, которая познакомила нас с Дженсером Мэйзом.

Она жизнерадостно улыbnулась, не замечая, как ошарашены ее слушатели. Я, наверно, с минуту простоял как вкопанный, лихорадочно прокручивая в голове все, что из этого вытекает. А тем временем диалог между солнышком Джорджем и его ярко-зеленой супругой перешел на шансы их собственного стиплера в другой скачке. Я отвлек их:

– Извините, не расслышал, как вас зовут...

– Джордж Вайн, – сказал мне мужчина в дублинке, протягивая широкую, как лопата, ладонь, – и Поппет, моя жена.

– Стивен Скотт, – представился я.

– Рад познакомиться.

Он отдал свой пустой стакан Руперту, который радушно снова наполнил его джином с тоником.

– Поппет не читает спортивных новостей и не знает, что вы отказались от услуг Джоди Лидса.

– Вы говорили, что Джоди Лидс познакомил вас с Дженсером Мэйзом? – осторожно спросил я.

– Да нет, не он! – улыbnулась Поппет. – Его жена.

Джордж кивнул:

– Повезло, можно сказать.

– Видите ли, – небрежно говорила Поппет, – выигрыши на тотализаторе иногда такие маленькие! Настоящая лотерея, не правда ли? В смысле, никогда не знаешь, что ты получишь за свои деньги. Не то что у букмекеров.

– Это она вам говорила? – спросил я.

– Кто? А-а, жена Джоди Лидса... Да, это она. Видите ли, я как раз забирала на тотализаторе свой выигрыш за одну из наших лошадей, а она тоже стояла в очереди к соседнему окошку, и она сказала, как обидно, что тотализатор платит только три к одному, когда у букмекеров стартовая ставка была пять к одному, и я с ней была совершенно согласна. Мы немножко постояли и поболтали. Я ей сказала, что того стиплера, который только что выиграл скачку, мы купили только на прошлой неделе и это наша первая лошадь. Она очень заинтересовалась и сказала, что у нее муж тренер и что иногда, когда ей надоедает, что на тотализаторе такие маленькие ставки, она ставит у букмекера. Я сказала, что мне не нравится толкаться в рядах – там толпа народа и ужасно шумно. Она рассмеялась и сказала, что она ставит у букмекера, который стоит у ограды, так что можно просто подойти и совсем не надо пробираться через толпу у ларьков. Да ведь вы же должны их знать! В смысле, они-то вас должны знать, если вы понимаете, о чем я. А мы с Джорджем о них даже и не слышали. Я так и сказала миссис Лидс.

Она остановилась, чтобы отхлебнуть джину. Я слушал как зачарованный.

– Ну вот, – продолжала Поппет, – миссис Лидс вроде как заколебалась, а мне вдруг пришла в голову великолепная идея – попросить ее познакомить нас с тем букмекером, который стоит у ограды.

– И она вас познакомила?

– Она согласилась, что идея великолепная.

Ну еще бы...

– И мы забрали Джорджа, и она познакомила нас с этим милым Дженсером Мэйзом. И он предлагает нам куда более высокие ставки, чем на тотализаторе! – торжествующе закончила она.

Джордж Вайн закивал.

– Вся беда в том, что теперь она ставит больше, чем раньше, – сказал он. – Вы же знаете этих женщин...

– Джордж, солнышко! – воскликнула она с нежным упреком.

– Да-да, милая, ты знаешь, что делаешь.

– Что толку возиться с мелочью? – с улыбкой сказала она. – Так много не выиграешь.

Он ласково похлопал ее по плечу и сказал мне как мужчина мужчине:

– Когда приходят счета от Дженсера Мэйза, то, если она выиграла, она забирает выигрыш, а если проиграла, то плачу я.

Поппет безмятежно улыбнулась:

– Джордж, солнышко, ты такой лапусик!

– А что бывает чаще? – поинтересовался я. – Выигрыши или проигрыши?

Поппет поморщилась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.